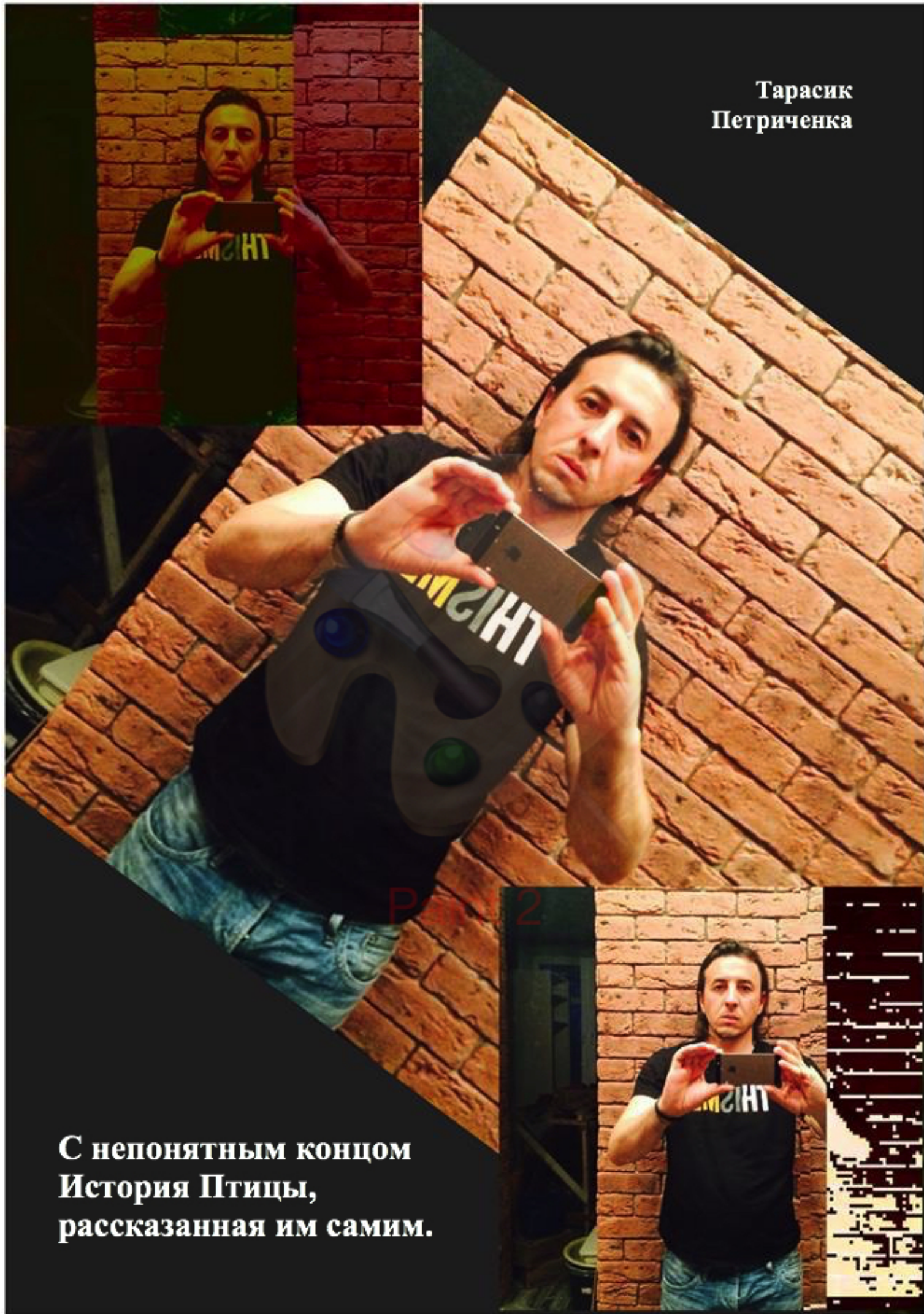

Тарасик
Петриченка

С непонятным концом
История Птицы,
рассказанная им самим.

Тарасик Петриченка

**С непонятым концом история
Птицы, рассказанная им самим**

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Петриченка Т.

С непонятным концом история Птицы, рассказанная им самим /
Т. Петриченка — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Поэтическая проза.

ТАРАСИК ПЕТРИЧЕНКА.

С непонятным концом История Птицы, рассказанная им самим.

Ты продолжай лететь... Лети – не бойся!

Свобода – это тоже песня, впрочем...

Кому её протягивать смешней,

Чем птице, пойманной в авоську безрассудства?

Лети на нож, «не бойся, мы с тобой»!

Я, начитавшись Голубя в Сантьяго,

Бесстыдно плакал в коридорах ТЮЗа

И люди удивлялись надо мной.

Как получилось так, что мой герой, любимый,

Которого воспитывал я с детства,

Оберегая ото всех и вся,

Попал в такую смятую картинку,

Где пьяной нотой движется Московский

И ногти режутся зубами вместо ножниц?

Как неудобно нарисован этот мир!

Когда ты хочешь спрятаться от всех,

В тебя стучат, звонят и письма пишут.

Когда ты стонешь: «Помогите, люди...»,

Хотя бы кто-то шею повернул...

Как это началось?

Вернёмся в детство: мальчик на подушке.

Врачи – ублюдки вырезали ласку.

Чтоб ты перевернулся, Доктор Спок!

Мне Доктор Хайдер симпатичен больше:

Он снова начал есть – и всё в порядке...

Я начал есть, я рос и – мне тринадцать.

Но не растёт усов... Досадный прыщик...

И девочки, конечно к тем, кто вырос,

С тобой танцуют, потому что весел...

А я смеюсь, пою, играю в мячик,

Стихи с гитарой сочиняю в ванной.

Пью под мостом портвейн с каким-то Мишей,

Курю – и в небо дымные драконы,

Потом я возвращаю всё назад

Горячей говно-красною струёю

Из мальчукового нетроганного рта...

Момент: возненавидел я портвейны,

Драконы полетят со мной по жизни...

Тогда же, помню, я мечтал о Насте.

Мечтал, что с ней проснусь в одной кровати

И буду трогать чудненькую грудь...

...Я жрал, как все мальчишки этот мир.

Писал, летал во сне и звал эмоций.

Эмоции пришли – мои кошмары -

И некуда от них мне было деться...

В кассетнике играет Майкл Джексон,

А ты боишься, просто так – БОИШЬСЯ...

Как описать вам страх, раз не боялись?
Ни двойки, ни отца, а мой – животный.
Когда ты прячешься в норУ под одеяло,
А даже там тебя не отпускает.
И страшно, страшно, страшно, страшно, страшно...
Решение сквозь переходный возраст –
Задача там, где возраст длится годы...
И я боялся и не знал, что делать,
Не знал кого и клал на всякий случай
Топор, украденный из шкафа в туалете,
Под мятую кошмарами подушку...
Сводили бы ребёнка к психиатру!..
Но здесь ведь только Бог болезни лечит.
О Боге люди редко размышляют –
Тогда никто ничем помочь не смог мне.
Ни бабка деревенская со свечкой,
Меня лечившая руками в старой бочке,
Ни то, что мы «валетом» спали с мамой:
Она заснёт, а я боюсь и плачу...
За перестройкой видеосалоны
Припёрлись к нам...
И я смотрел... Кошмары
Немножко обрели своё лицо
(Но тот – глобальный – никуда не делся).
Мне не забыть, как после фильма «Челюсти»
Боялся в море заходить.
А жили мы на Юге...
Как я боялся ванной после Фредди, «Нечто»...
Перевернуться этим режиссёрам!
Реж. Киндзадза мне симпатичен больше:
Смотрю его сейчас – и всё в порядке...
Но нет порядка там, где есть кошмары.
Раз нет порядка, приводи себя в порядок.
Тем более никто помочь не может...
Тогда и начал я интуитивно
Искать ключи, ходы, чтоб было легче.
Придумывать слова, движенья, жесты
Как защитить себя от этих страхов –
Джек Николсон, где «Лучше не бывает».
Но это – не комедия – тут страшно...
Наш серый потолок и я в кровати
Защитой повторяю заклинанья
Из слов бессмысленных и мистикой разящих.
Не ошибиться бы, где чёт, где нечет –
Так, чтобы получилось: не обратно...
На улице два раза левой шаркнуть,
А правую – один, чтоб всё в порядке...
По первой лестнице не наступай на череп,
Пролёт через одну, потом по каждой,

Потом через одну, через одну...
И проверяй всё в доме только в нечет...
И никогда не говори «наверно»:
«Короче», «может быть» и «точно» – это метод...
Мне помогло... Наверно, это Бог
Взглянул в моё окно дождливым летом,
Когда два месяца подряд лилась вода.
Мне подпевая в слёзы и расклады
Лилась...
В квартире никого и я один
И в форточку мне видятся драконы,
На дачах все, в 16.30 «Кортик»
И больше ничего и ТИШИНА...
Увидел он: в окне мальчишка пишет,
Пытаясь слить во что-нибудь кошмары
И страшно, страшно, страшно, страшно, страшно...
Он пожалел... Так мне помог мой метод –
Эмоции присели
Тогда... Теперь я тихо ощущаю
Остатки памяти испуганного детства,
Когда смотрю на серый потолок,
В котором представлял себе картинки:
Вот голова охотника, вот дева –
Они в то время тоже помогали –
Когда я проверяю газ и свет
И запертую дверь так раз по восемь...
Я продолжаю дальше: девятнадцать...
Мы пьём с друзьями водку – мне блюётся
В троллейбусе на заднее стекло...
Чтоб ты перевернулась, эта водка!
Самбука – та мне симпатична больше:
Затянешься разок – и всё в порядке.
Мы драпаем... Конечно же драконы...
Вот мой друг Коля: сочиняем песни,
Записываем их, играем, дышим –
Друзья, девчонки – в ноги – мы в фаворе...
Тогда-то мне и повстречалась Тата –
Печатала стихи, рассказы, тексты,
Которые я сочинял из пальца.
Мы пили спирт и даже целовались
И ноготками Тата на машинке,
Да волосы мне в хвостик одевала –
Тогда за них и начал я бояться.
На пять лет старше, сыну вроде пара...
Потом расстались мы, потом сошлись и Это...
Ментоловый я Dunhill покупал,
Частенько оставаясь с нею на ночь
Для мамы с папой под смешным предлогом.
И муза всё меня не отпускала,

Что есть нормально в девятнадцать лет...
Полгода после по взаимному согласью
Решили мы в конец расстаться с Татой...
С тех пор плясали девки предо мной
И в крылья хлопали мне на бегу драконы...
Я поступил в ненужный институт,
Тогда же в первый раз решил жениться.
Девятым августа раскрашен календарь
И в памяти застряла эта дата
Помимо Дня Рожденья с Новым Годом...
Связал нас общий друг и одноклассник,
К которому мы в армию возили
Галлоны кофе, чтоб косил «по сердцу»...
Мы целовались, спали без ума.
Я ничего вокруг почти не видел
И всё писал о ней и про неё...
Но музыка текла своей рекою:
Концерты, встречи... Творческий накал,
Который постепенно истекал,
В наркотик постепенно превращаясь...
Эмоций и общенья не хватало
И мы с ребятами попали в никуда...
Тогда же мучил, помнится вопрос –
Я, выросший на книжках и геройствах,
Наивно полагал:
Когда ты людям делаешь добро
И только,
То – они тебе добро.
Но, оказалось, в жизни всё не так:
Скорей наоборот – и в этом fuck...
Меня всё это раздражает до сих пор.
Короче, Сшибочкой По-Павлову назвать
Готов я этот сладостный момент.
Но в девятнадцать – двадцать он у всех, пожалуй.
Досадно, если в тридцать затянулся...
...Итак, я звал эмоций. Что ж – пришли...
Я уходил из дома – это поза.
В квартирах ночевал, кипела доза
И девушка от ломки обмочилась
На серые кроватные листы,
Хозяин со шприцом в паху ходил
От вен, ушедших ото всех и вся
Конечностей. Он грязно так смеялся...
Менты с визитом раз на дню...
Не помню, что тогда я написал.
Писал ли я?.. Я ржал – работал Gunjееееееее.
И в терминатора играл под LSD...
А в это время мой весёлый друг,
С которым мы играли и писались,

Бросался в своём водочном бреду
С моста от Горьковской до Марсового Поля,
Но не погиб: про маму вспомнил – всплыл...
В психушке сутки, даже не звонил...
А дальше всё опять – концерты, водка,
Бросанья под машины, суицид...
Потом уж после всё же спохватился:
Укол – и сыт...
Что ж я?.. А я назвался
В кругах знакомых Птицей Заводной,
Поскольку заводил и заводился
И мог летать... Я всё летал во сне...
И пёрло. Распирало от эмоций...
Писалось – вспомнил... Кто писал моей рукой?..
Я думаю теперь: мой бедный мальчик,
Кому ты пел? Кого учил летать?
Друзей? Знакомых, родственников, близких?..
Жена послушно плакала. Страдала...
Где вы теперь, знакомые мои?
В тюрьме? От передоза...? Я не вижу
И не хочу увидеть их следы
На сгибах... Кто-то мне давно стучал:
Взаймы... И скорую, поскольку вот – в подвале –
От закипания раствором крови
Второй знакомый «Просто умирает»...
Я дал. Я позвонил... Но это после...
В те времена же вспомнил я о маме,
Когда под прогрессивными грибами
Увидел я людей, одетых в маски,
Спускаясь эскалатором метро...
Как будто белый грим на них одели.
Вот: сплошь и рядом всё они... Они...
И страшно, страшно, страшно, страшно, страшно...
Ко мне вернулось ощущение детства –
Я побежал и в воздухе драконы,
Но не спастись, не убежать, не деться:
Не отпускает и не отпускает...
Потом меня продернула измена,
Что бешенством я где-то заразился...
Тогда от всех и вся сбежал я к маме
И целую неделю провалялся
Под серым потолком... Не ел, не мылся.
В подушку мокрую всё тёк больной слюною
Своей измены... «Господи, послушай!
Оставь меня пожалуйста в живых...»
Эмоции ушли: переломался...
Но год ещё я пошло пил:
Эмоций память долго отпускает...
Майлз Дэвис, как тебя я понимаю...

Концерты шли. Я пел. Плясали девки...
Жена хотела завести ребёнка.
Я не хотел...
Я помню этот день,
Когда ел бигус дома от похмелья,
Спеша с ночным концертом в модный клуб...
Чтоб ты перевернулся, хренов бигус!
(С тех пор его не ем и ненавижу).
Мне макароны симпатичны больше:
Посыпал перцем, кетчуп – и порядок.
Но не о том. После концерта Птица –
Так про себя я звался в тот период –
Спешил рвануть с визитом к новым девкам
И трахаться «хоть сутки на пролёт»...
Я думаю сейчас: мой бедный мальчик,
Кто был с тобой тогда и кто сейчас зовёт?..
Приехал в клуб... Вода, пинцет, драконы...
На саунд-треке вроде всё нормально...
Я помню шел на сцену с первой темой.
Ребята улыбались, волновались.
Я помню боль и как ушел со сцены,
Оставив саксофон в полу валяться,
И дорогой холодный пол сортира,
И «Господи, оставь меня в живых.
Пожалуйста...»,
И мысль: ну только б не аппендицит;
Гримёрка, пол, диван, охрана – обыск,
Такси, блюётся красною струёю...
В парадной головой к стене на Петроградской
Я прошу: Звоните в Скорую...
И страшно, страшно, страшно, страшно, страшно...
Так страшно, где никто помочь не может...
Реанимация... Напротив – человек
С обрубком кровоточащей ноги...
Я в капельницах...
А в дверях... Испуганное мамино лицо...
Что вспомнить мне ещё из тех времён?
Цветным пятном осталась тётя Лора,
К которой с Колей ездили на дачу
В весёлый 63-й километр.
И Петроградская, где пелось и писалось,
Где плавали и хлопали драконы,
И мы мечтали с ним и вверх смотрели.
Где сотни тех, кого лечил и парил
Разъехались по Родинам и странам...
Бог как-то спас потрёпанную птицу,
Оставив жить...
Я бросил пить и пр., ушли драконы
И память об эмоциях прошла,

Оставив мне одно желанье – выжить.
О! Это был чудесный Новый Год в больнице!
Так больно. Шмель, зажатый дохлый внутри окна...
Прекрасный праздник...
Я перестал играть... И пустота...
Об стену кулаками... Как жена терпела?
Как помогла мне всё-таки картинку удержать?
Чтоб жил. А жить то было нечем...
И мы с ней вместе побежали к Богу,
Пытаясь мир наш вместе с ним построить.
И дочка... Серафима родилась...
Тогда придумал я забавный метод:
Чтоб как-то на поверхность да всплывать,
Проблемы себе нужно создавать
И их решать. Но быть должны под силу.
Я начал «поступать», потом бросать.
Там было скучно всё: там рыли мне могилу
Учителя...
Но многое я взял... Когда не спал ночами,
Потом вставал и к душу в пять утра
В тупом желании
научиться Свингу,
Английский одолеть...
С коляской, методично в сон качая
Девчонку, не желающую спать,
Гулял под дождь и снег...
Я был влюблён в неё, и маленькая фея
Мне улыбалась, крыльями звоня:
Так хлопали мне крыльями драконы...
Меж тем с женою мы ходили к Богу.
Тогда я понял, что такое Боль:
Другая боль – не та, что там: в больнице
Была...
А та, что есть во мне, в тебе, во всём и в каждом
Движении и мире заключённая и запертая –
Она всегда во мне и мной писала;
Что больше не писать я не могу.
Я стал писать...
Как объяснить вам, что такое Боль?
Ты чувствуешь её в глазах соседки
В метро,
В полёте птицы... Птицы... Птицы... Птицы!..
Меня так звали... Страшно, страшно, страшно...
Не бойся! Я писал про мир драконов...
О том, как понимаю этот мир...
О том, как безнадежно мне бороться
С его дурацкой правильной машиной...
Такому сумасшедшему и маленькому мне...
И началась война. Я бросил вызов,

А мир меня увидел...
Я снова стал лечить, он начал бить,
Кидая мне картинки из эмоций...
Теперь не помню я, откуда точно
Взялась идея некого союза,
Который бы помог объединить мне
Таких же сумасшедших, как и я...
Заметил я, что всё пишу о Солнце,
Ребенком полагая, что оно
Способно победить наш мир драконов:
Ведь Солнце с Богом сравнивали люди
И Солнце в детстве мне так помогало
Из ночи выйти – днём чуть меньше страшно было...
А Солнце – рыжее, и, стало быть, союз...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.